

Всю серьезность происходящего полиция осознала, лишь когда был обнаружен первый труп. Кто-то прислал на электронный адрес уголовной полиции ссылку на ютубовский видеоклип. Текста письмо не содержало, отправителя отследить не удалось. Секретарь канцелярии щелкнул по ссылке, просмотрел запись, предположил, что это какая-то трудная для понимания шутка, однако зарегистрировал все должным образом.

Два дня спустя трое опытных следователей сидели в маленьком кабинете на восьмом этаже штаб-квартиры уголовной полиции Стокгольма; собрались они из-за той самой видеозаписи. Старший из троих сел на скрипнувший стул, двое других остались стоять.

Запись, которую они смотрели на широком экране компьютера, длилась всего пятьдесят две секунды.

Кто-то дрожащей камерой, тайком снимал через окно спальни, как женщина лет тридцати надевает черные колготки.

Трое из уголовной полиции наблюдали за движениями женщины в смущенном молчании.

Чтобы колготки сели как следует, женщина перешагнула невидимое препятствие, после чего сделала несколько книксенов, широко расставив ноги.

В понедельник утром эту женщину обнаружили на кухне таунхауса в Линдингё, на окраине Стокгольма. Она сидела на полу, странно распялив рот. Кровь забрызгала окно и белую орхидею в горшке. На женщине были только колготки и лифчик.

В ходе судебно-медицинской экспертизы, произведенной на той же неделе, было установлено, что женщина скончалась от ножевых ран. Кто-то с необычайной яростью резал ей лицо и шею.

Слово “сталкер” вошло в речевой обиход в начале семидесятых. Сначала оно означало “мастурбатор” или “вуайерист”.

В 1921 году французский психиатр де Клерамбо опубликовал статью о пациенте, состоявшем в воображаемой любовной связи. Это исследование многие считают первым современным анализом такого явления, как сталкинг.

Сегодня сталкером называют того, кто одержим болезненным стремлением следить за другим человеком.

Почти десять процентов людей хотя бы раз в жизни подвергались той или иной форме сталкинга.

Чаще всего у сталкера есть или была связь с жертвой, но достаточно часто решающую роль в привлечении его внимания играет тот факт, что потенциальная жертва достигла славы.

И хотя в подавляющем большинстве случаев сталкинг не преследуется, полиция относится к этому феномену серьезно, так как патологическая одержимость сталкера опасна сама по себе. Подобно тому как тучи, попавшие между восходящими и нисходящими потоками воздуха, могут завернуться воронкой и превратиться в торнадо, так и эмоции сталкера, которого бросает от обожания к ненависти, способны внезапно обернуться жестоким насилием.

Глава 1

Была пятница, двадцать второе августа, часы показывали без четверти девять. По сравнению с дремотными сумерками и светлыми ночами июля сейчас темно поразительно быстро. За стеклянными дверями Государственного полицейского управления было уже темно.

Марго Сильверман вышла из лифта и направилась к бронированной двери вестибюля. Она была одета в черный кардиган с запахом, белую блузку, туго обхватывавшую грудь, и черные брюки с высокой талией, которая скрывала растущий живот.

Марго неторопливо приблизилась к вращающимся дверям в стеклянной стене. Дежурный, сидевший за деревянной стойкой, смотрел на экран. Камеры слежения круглые сутки записывали все, что происходит в каждом уголке огромного здания.

Волосы Марго были заплетены в тяжелую светло-золотистую косу. Она беременна в третий раз, ей тридцать шесть; блеск в глазах и румяные щеки придавали ей цветущий вид.

После долгой рабочей недели она направлялась домой. Марго ежедневно перерабатывала, и ее уже дважды упрекали за чрезмерное усердие.

Марго работала в уголовной полиции недавно, она специализировалась на серийных убийцах, “неистовых убийцах”¹ и сталкерах. Убийство Марии Карлссон стало ее первым самостоятельным расследованием после вступления в должность комиссара-следователя.

Ни свидетелей, ни подозреваемого. Жертва — одинокая, детей нет, проводила рекламные кампании для “Икеи” и унаследовала родительский незаложенный дом, после того как отец умер, а мать перебралась в дом престарелых.

Обычно Мария ездила на работу вместе с коллегой, но в то утро ее не оказалось на Чюрквэген, обычном месте их встречи. Коллега заехала к ней домой и позвонила в дверь, потом обошла дом и увидела Марию в окно. Та сидела на полу — лицо изрезано, шеи почти нет, голова свесилась набок, а рот странно широко открыт.

Согласно судебно-медицинскому отчету, кто-то раскрыл ей рот после смерти, но оставалась и вероятность того, что рот застыл в таком положении сам собой.

Трупное окоченение началось с сердца и диафрагмы, но уже через два часа было заметно на шее и в челюстях.

Был вечер пятницы, и людей в вестибюле осталось немного. Разговаривали друг с другом двое полицейских в синих свитерах; усталый прокурор вышел из ка-

1 “Неистовый убийца” — тот, который совершает ряд нелогичных на первый взгляд убийств за короткий промежуток времени. (Здесь и далее — прим. перев.)

бинета, где велось судебное разбирательство по вопросу взятия под стражу.

Когда Марго еще только назначили руководителем предварительного расследования, она в глубине души подозревала, что окажется чересчур амбициозной, станет мыслить слишком широко.

Над ней посмеялись бы, расскажи она, что у нее стойкое ощущение — полиции придется иметь дело с серийным убийцей.

За неделю Марго просмотрела запись, на которой Мария Карлссон надевает колготки, больше двухсот раз. Все указывало на то, что женщину убили сразу после появления клипа на Ютубе.

Марго пыталась осмыслить клип, но не видела в нем ничего особенного. Фетишизация колготок — не такое уж редкое дело, да и ничто в самом убийстве не указывает на склонность преступника к фетишам.

Запись эта была просто коротким эпизодом из будней обычной женщины. Одинокая, с хорошей работой, собирается на вечерние курсы по рисованию комиксов.

Почему убийца оказался у нее в саду, случайное это преступление или тщательно продуманное — не поддавалось объяснению. Преступник снимал жертву за минуту до убийства, и тому должна была найтись причина.

Он отправил ссылку на клип в полицию — значит, хочет что-то продемонстрировать.

Хочет указать на какую-то черту в этой женщине или в определенном типе женщин. Может, эта деталь имеет отношение к женщинам вообще, а может — к обществу в целом.

Но Марго не видела ничего примечательного ни во внешности, ни в поведении жертвы. Женщина

просто сосредоточилась на том, чтобы колготки се-ли как надо, она морщила лоб и вытягивала губы тру-бочкой.

Марго дважды посетила таунхауз на Бредабликсвэ-ген, но первым делом изучила видеодокументы крими-налистов с нетронутого места преступления.

По сравнению с полицейскими съемками запись, сделанная преступником, казалась почти смехотворной. Настойчивость, с какой техники демонстрировали сле-ды зверского преступления, была бестактной. Жертву, сидевшую с широко разведенными ногами в луже тем-ной крови на кухонном полу, снимали под разными уг-лами. Разрезанный лифчик был сдвинут, и белая грудь тяжело опускалась на складки живота. От лица почти ничего не осталось — только широко раскрытый рот и какая-то красная слякоть.

Марго как бы ненароком задержалась возле вазы с фруктами, стоявшей на столике возле кресел, взгляну-ла на дежурного — тот говорил по телефону — и повер-нулась к нему спиной. Несколько секунд она наблюда-ла за отражением дежурного в стеклянной стене боль-шого светлого зала, после чего затолкала в сумку шесть яблок из вазы.

Конечно, шесть — многовато, но Марго не могла остановиться, пока не взяла из вазы все яблоки. Может, Йенни вечером испечет яблочный пирог, с карамель-ной корочкой из масла, корицы и сахара.

Ее мысли прервал телефонный звонок. Марго взглянула на экран и увидела изображение Адама Юс-сефа — члена следственной группы.

— Ты еще в управлении? — спросил Адам. — Скажи, что ты еще не ушла, потому что у нас...

— Я уже в машине, еду по Кларастрандsledен, — солгала Марго. — Что там у тебя?

— Пришел еще один клип.

В животе заурчало, и Марго положила на него руку.

— Еще один клип, — повторила она.

— Ты приедешь?

— Разворачиваюсь, — сказала Марго и пошла назад. — Проследи, чтобы мы получили копию ролика.

Марго могла бы пересечь вестибюль и уехать домой, переложив все на Адама. Всего один звонок — и ей предоставили бы оплачиваемый отпуск по уходу за ребенком. Вероятно, именно так она и поступила бы, знай, насколько диким окажется ее первое расследование.

Будущее лежало в тени, но планеты уже приготовились выстроиться в опасную комбинацию. В эту минуту судьба Марго скользила к беде, как лезвие бритвы по водной глади.

Яркий свет в лифте делал ее лицо старше. Тонкая черная подводка на веках почти стерлась. Откинув голову, Марго поняла, почему коллеги твердят, что она похожа на своего отца, бывшего начальника полиции лена Эрнеста Сильвермана.

Лифт остановился на восьмом этаже; Марго пошла по пустому коридору так быстро, как только позволял ей огромный живот. Они с Адамом заняли кабинет Йоны Линны сразу после того, как в полиции почтили его память. Марго не знала Йону лично, так что проблем у нее не возникло.

— Быстрая у тебя машина, — сказал Адам, когда она вошла, и улыбнулся, обнажив крупные зубы.

— Ну... да, — ответила Марго.

Адам Юссеф, двадцати восьми лет, был круглолиц, как подросток. Нестриженный, рубашка навыпуск с коротким рукавом, джинсы. Он происходил из ассирийской семьи, вырос в Сёдертелье и играл в футбольной команде в первом дивизионе “Норры”.

— Сколько времени запись провисела на Ютубе? — спросила Марго.

— Три минуты. Он сейчас там. Стоит за окном и...

— Этого мы не знаем, но...

— Я уверен, — перебил Адам. — Он наверняка там.

Марго поставила тяжелую сумку на пол, села в свое кресло и позвонила техникам.

— Здравствуйте, это Марго. Вы выслали копию? — нервно спросила она. — Мне нужно уточнить место или имя, определите, что это за местность, кто эта женщина... В вашем распоряжении пять минут, торопитесь, черт подери, но дайте мне зацепку, и я отпущу вас домой на уютный пятничный вечерок.

Марго положила трубку и открыла лежавшую на столе Адама коробку с пиццей.

— Ты ведь уже не голоден? — поинтересовалась она.

Звякнуло во входящей почте, Марго быстро сунула в рот корочку пиццы. Тревожная морщинка на лбу пролегла глубже. Марго щелкнула мышкой и увеличила картинку во весь экран, перебросила косу за плечо, запустила запись и чуть отъехала назад, чтобы и Адаму было видно.

Сначала они увидели святящееся, подрагивающее в темноте окно. Камера осторожно поплыла вперед, ветка дерева задела объектив.

Плечи Марго передернулись.

Женщина стояла в освещенной комнате — наискось от телевизора — и ела мороженое прямо из ведерка.

Женщина стянула с себя тренировочные штаны, стряхнула с ноги вместе с носком.

Поглядывая в телевизор, улыбнулась и облизнула ложку.

В кабинете полицейского управления слышно было только, как работает вентилятор компьютера.

Подскажи хоть одну деталь, которая поможет выйти на след, думала Марго, вглядываясь в черты женщины — красивый разрез глаз, плавный овал лица, округлый затылок. Казалось, от разгоряченного тела идет пар. Женщина явно только что пришла с тренировки. Резинка белых трусов растянулась от стирок, лифчик просвечивал там, где футболка намочла от пота.

Марго приблизилась к экрану, живот подался вперед, коса опять переметнулась через плечо.

— Осталась минута, — сказал Адам.

Женщина поставила ведро с мороженым на журнальный столик и пошла из комнаты, волоча на правой ноге тренировочные штаны.

Камера последовала за ней, проплыла мимо узкой двери лоджии и замерла возле спальни, где горел свет и куда перешла женщина. Женщина стряхнула штаны и отправила их под кресло с красной подушкой. Штаны описали в воздухе дугу, шлепнулись о стену за креслом и упали на пол.